

**О НЕКОТОРЫХ ОБЩИХ
ПРОБЛЕМАХ ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА
И БАШКОРТОСТАНА В КОНТЕКСТЕ
РАСШИРЕНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬ-
НО-ПОЛИТИЧЕСКОГО
ПРОСТРАНСТВА РОССИИ
В XVI–XVIII вв.**

Роза БУКАНОВА

ФГБОУ ВПО МОН РФ «Башкирский государственный университет» зав. кафедрой историографии и источниковедения, д.и.н., профессор, г. Уфа

XVI–XVIII вв. характеризуются стремительным расширением территории Российского государства, особенно в восточном и юго-восточном направлениях. В составе России оказалось совершенно уникальное цивилизационное пространство, населенное, главным образом, тюркоязычными народами, исповедующими ислам: татарами, башкирами, сибирскими народами и, частично, казахами. Оно при «столкновении» со славянско-православной цивилизацией, сумело сохранить не только общие специфические черты тюркско-мусульманского мира, но и внутренние различия, характерные для каждого народа. Именно это, по мнению российских ученых, «не только препятствовало стабилизации государственной территории, формированию ее сколько-нибудь четких границ, но и постоянно воспроизводило глубокоюнеравномерность приобщении отдельных областей страны к тому системному социетальному порядку, который в наиболее чистом, завершенном виде воплощал собой сущностные черты российской цивилизации» [1, 273].

Таким образом, возникает несколько методологических и конкретно-исторических проблем:

– проблема взаимодействия двух или даже несколько типов цивилизаций, что тесно связано с характером присоединения отдельных областей к Российскому государству,

– конкретные способы внедрения институтов государственной власти на вновь присоединенных территориях,

– проблема адаптации местных общин с их традиционным укладом хозяйственной и повседневной жизни к новым условиям.

Несмотря на то, что история присоединения отдельных территорий к Российскому государству достаточно хорошо изучена, конкретные механизмы расширения институционально-политического пространства России в XVI–XVIII вв. еще не раскрыты. Ввиду того, что документы Приказа Казанского дворца не сохранились, многие социально-политические процессы, происходившие в Поволжье и в Башкирии в XVI–XVII вв., освещаются лишь фрагментарно и чрезмерно обобщенно. В частности, до последнего времени эволюция общественно-политической системы башкирского общества со времени вхождения Башкирии в состав России до 30-х гг. XVIII в. оставалась вне поля зрения историков.

Нельзя сказать, что и общественно-политическая история народов Поволжья и Западной Сибири, прежде находившихся на территории Казанского и Сибирского ханств, изучены достаточно полно. Следует признать, что все исторические события, происходившие в XVI–XVIII вв. на обширной территории Поволжья, Урала и Западной Сибири, рассматриваются, главным образом, в контексте расширения институционально-политического пространства России. Отсутствие данных по внутриполитическим процессам на той или иной территории восполняются этнологическими исследованиями, методологический инструментарий которых с общеисторической точки зрения весьма ограничен.

Приуралье, Средний и Южный Урал представляли собой единое, достаточно специфическое историко-географическое пространство, которое оказалось в составе России после падения Казанского ханства и признания башкирами русского подданства. Присоединение Западной Сибири и Зауралья было связано с падением Сибирского ханства. Одна-

ко, если на территории бывших Казанского и Сибирского ханств сразу была введена сильная военно-административная система управления без традиционных для аборигенного населения институтов власти, то совершенно другая политика проводилась в отношении Башкирии, которая в составе России длительное время продолжала сохранять своеобразную политическую автономию. В конкретно-историческом плане – это тот самый случай, который подтверждает концептуальное положение, выдвинутое уральскими учеными: о неравномерности в приобщении отдельных областей страны к системному социетальному порядку, существовавшему в России, которая – «и как страна, и как цивилизация – в течение веков росла вместе с ходом завоеваний и колонизации» [1, 273]. Договорной характер взаимоотношений между российским правительством и башкирскими биями на протяжении длительного времени обеспечивал сосуществование двух цивилизационных парадигм развития южноуральского региона. Однако конкретные способы взаимной адаптации двух культур – оседло-земледельческой и полукочевнической-скотоводческой, а также соответствующих этим культурам и образу жизни разных политических систем – легче представить на примере истории Казахстана, который гораздо позже оказался в орбите влияния Российского государства и, соответственно, по данному периоду сохранилось гораздо больше документального материала.

Очевидно, в 1730 г. в ходе переговоров России с ханом Младшего жуза Абулхаиром о принятии последним российского подданства были использованы традиционные методы воздействия на правителей соседних государств и, возможно, те же приемы, которые были применены в отношении башкир. Так, в качестве посредников были привлечены наиболее влиятельные и пользовавшиеся авторитетом среди башкир и казахов тархан Алдарбай Исянгильдин (Исякаев) и представитель зауральских кара-табынских и барын-табынских башкир Таймас Шаимов, который, по словам П.И. Рычкова, считался «у киргиз-кайсака славным башкирским наездником (или богатырем)» [2, 21-22].

В письменном послании хана Младшего жуза Абулхаира Анне Иоанновне в основном выдвигались требования, идентичные условиям

256

вхождения башкир в состав России: «милостивейшим указом нас под протекцию В.И.В. милостиво указать принять и с подданными В.И.В., с аральскими башкирцами, нам милостиво указать в миру и в соединении быть...» [3, 362-363], а в устной форме были выдвинуты условия подданства, в том числе обещание «служить верно и платить ясак так, как служат башкирцы» [3, 364]. Встречные требования русских: ежегодная выплата дани; прекращение набегов на российских подданных, возвращение русских пленных; помощь в охране торговых караванов, идущих через казахские земли и, наконец, присылка в Москву аманатов как гарантов верности – в общих чертах подобные требования предъявлялись ко всем новоподданным Российского государства.

На начальном этапе переговоров реакция правительства на возможность обретения новых подданных была типичной. Ведя переговоры с казахами и внимательно изучая обстановку внутри казахского общества, их взаимоотношения с соседними государствами, Россия предпринимает и ряд предупредительных мер: увеличивает численность гарнизонов пограничных крепостей и острогов, одновременно принимает решение на возможных путях набегов степняков построить оборонительную линию. Таким образом, внимательное изучение последовательности инкорпорации территории Казахстана в состав России, поможет, методом реконструкции и аналогии воссоздать малоизвестные аспекты истории Башкортостана XVI–XVIII вв.

Одним из ведущих компонентов в расширении институционально-политического пространства Российского государства в XVI–XVIII вв. были города-крепости и укрепленные линии, которые строились как в Башкортостане, так и в Казахстане по мере присоединения новых территорий. Проблему институционализации российских окраин – правового и организационного закрепления их в составе Российского государства – необходимо рассматривать в тесной связи с проблемой эволюции городской системы: от возникновения городов-крепостей как опорных военно-административных пунктов на новой территории до формирования сети городов, организующих окрестную территорию в экономическом и

социокультурном отношении. Города-крепости XVI–XVIII вв. являлись не только географической координатой Российского государства, но и, в сущности, олицетворяли собой факт присутствия государственной власти на той или иной территории. Вместе с развитием городов менялся и вектор последующего исторического развития регионов.

Вместе с тем, в условиях присоединения новых территорий и их первоначального освоения административно-политический фактор играл едва ли не ведущую, «опережающую по сравнению с другими факторами» роль, но и «колониционная специфика накладывала сильнейший отпечаток на развитие административно-территориальной системы на востоке страны» [6, 280]. Последнее четко прослеживается на примере двух потоков колониационного процесса: первый (правительственная колонизация) – в направлении Среднего Урала (создание очагов дворцовых волостей вокруг Осы и Сарапула; обособленных частных (фактически суверенных) владений Строгановых на Среднем Урале; основание укрепленных слобод в Зауралье); второй (в основном вольная народная колонизация) – в юго-восточном направлении, где находился основной очаг расселения башкирского населения, обладающего официально признанным вотчинным (суверенным) правом. В последнем случае государственное освоение юго-восточного направления – Южного Урала – был более длительным и сложным. Зато эта неспешность в освоении башкирских земель, характерная для XVI–XVII вв. – до петровской эпохи, обеспечивала лояльность местного населения к власти, способствовала восприятию ими России как своего государства.

Государственное освоение Южного Урала вплоть до начала XVIII вв. было вторичным по отношению к вольной народной колонизации, шло вслед за ним, закрепляя по факту сложившиеся отношения с аборигенным населением. Так, например, первая русская крепость Уфа, основанная в 1756 г. на первых порах выполняла лишь ограниченные функции по отношению к коренному населению, в основном фискальные. Во всех имеющихся документах конца XVI в. о причинах строительства уфимской крепости говорится о сборе ясака: чтоб «Кучум царь, пришедь в го-

258

судареву отчину в Казанский уезд в башкирды» не начал «ясак с государевых людей з башкирдцов ...имать»¹. А в послании к ногайскому князю Урусу, осмелившемуся проявить недовольство по поводу строительства Уфы, было сказано прямо: чтоб ему, Урусу, «з башкурдов и с остяков дани никакия не имати», а если он пошлет собирать дань «с башкурдов и с остяков», то царь тех «данщиков велит побить»².

Очевидно, на начальном этапе существования Уфы, основная задача московского правительства заключалась в том, чтобы было удобнее собирать с башкир ясак [4, 21; 5, 93]. А уфимские воеводы, предназначенные исполнять административно-политические функции, являлись, главным образом, арбитрами, причем с достаточно широкими полномочиями, в разрешении противоречий, возникавших во взаимоотношениях местной элиты с российским правительством. Кроме того, они следили за внешнеполитической ситуацией в этом регионе.

Следует отметить, что в традиционном обществе, где основной ценностью и источником существования являлась земля, пастбища, город играл второстепенную роль. Локальные очаги русской цивилизации, складывающиеся вокруг городов-крепостей, не затрагивали внутреннего устройства башкирского общества, особенностей его социокультурного развития [6, 282-284]. Появление первых русских крепостей на территории Башкирии было обусловлено не столько потребностями развития самого башкирского общества, сколько стратегическими задачами, стоявшими перед Россией. По мере решения этих стратегических задач (конец XVI в. – борьба с Сибирским ханством и Ногайской Ордой, XVII в. – борьба с калмыками, XVIII в. – присоединение Казахстана и освоение торговых путей в Среднюю Азию и Индию) возникла сеть городов-крепостей и укрепленных линий, одновременно возросла роль города в колонизации окраин.

В петровскую эпоху отношение государства к городу коренным образом меняется: в основу губернской реформы 1708 г. была положена

¹ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 10. Л. 55.

² РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 8. Л. 9.

сложившаяся урбанистическая система. Именно город стал доминирующим фактором в реорганизации административно-территориального устройства и управления на территории Башкортостана, с одной стороны, и в присоединении Казахстана – с другой. Так, строительство в 30–50-е гг. XVIII в. города Оренбурга и цепи укрепленных городов-крепостей вдоль южных и юго-восточных границ расселения башкирского населения привело к окончательному превращению Башкирии во внутреннюю область Российской империи. Одновременно решалась задача вовлечения новых территорий в единое институционально-политическое пространство Российского государства. Последнюю четверть XVIII в. можно считать завершающим в процессе институционализации Южного Урала, как единого политического пространства России.

Таким образом, расширение институционально-политического пространства Российского государства на юго-востоке было непосредственно связано со строительством городов-крепостей. В XVI–XVIII вв. город на региональном уровне в институционально-политической, экономической, социальной и культурной организации территории России сыграл исключительную роль.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Цивилизационное своеобразие российских модернизаций XVIII–XX вв.: пространственно-временной аспект / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, Е.Т. Артёмов и др.; Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, 2011. 384 с.
2. Рычков П.И. История Оренбургская. (1730–1750). Оренбург: Типо-литогр. И.И. Евфимовского-Мировицкого, 1896. 95 с.
3. Под стягом России. Сборник архивных документов. М.: Русская книга, 1992. 432 с.
4. История Уфы. Краткий очерк. Уфа: Башк. книжное изд-во, 1981. 605 с.
5. Буканова Р.Г. Города-крепости на территории Башкортостана в XVI–XVII вв. Уфа: Китап, 2010. 264 с.
6. Буканова Р.Г. Русский город XVI–XVII вв. в иноязычной среде: параллельные миры или начало социокультурной модернизации Урала? // Региональный фактор модернизации России XVIII–XX вв.: Сб. науч. ст. / ФГБУН Институт истории и археологии УрО РАН. Отв. редактор В.В. Алексеев. Екатеринбург: ООО «УИПЦ», 2013. 357 с.